

Штаммлер Рудольф

**Хозяйство и право с точки зрения
материалистического понимания
истории**

Том 1-2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р83

Р83 **Рудольф Ш.**
Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории: Том 1-2 /
Штаммлер Рудольф – М.: Книга по Требованию, 2024. – 841 с.

ISBN 978-5-521-31595-6

ISBN 978-5-521-31595-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ἜΛΕΓΕΝ *).

СОЦІАЛЬНАЯ ФИЛОСОФІЯ.

Ὅποτε γάρ τὸ δίκαιον μὴ οἶδα ὅ ἐστι, σχολῇ
εἶσομαι εἴτε ἀρετὴ τις οὕσα τυγχίνει εἴτε καὶ
οὐ, καὶ πότερον ὁ ἔχων αὐτὸ οὐκ εὐδαίμων
ἐστὶν ἢ εὐδαίμων.

Пока я не знаю, что такое *справед-*
ливое, для меня трудно знать, добро-
дѣтель ли это, или нѣтъ, и несча-
стенъ ли, или счастливъ тотъ, кто
имъ обладаетъ.

Платонъ. De republ. I p. 354 с.

*) Введеніе, книга I, §§ 34—44 книги III переведены *М. К. Покровской*;
книга II переведена *А. А. Мейеромъ*; §§ 30—33, 45—62 книги III переведены
І. А. Давыдовымъ.

1. Идея соціальної філософії.—2. Общее ученіе о правѣ и хозяйствѣ.—3. Обобщенія историческихъ фактовъ.—4. Методъ соціально-філософскаго изслѣдованія.—5. Матеріалистическое пониманіе исторіи.

1.

Наука о соціальной жизни людей находится въ настоящее время въ ненадежномъ и колеблющемся состояніи.

Могучимъ потокомъ надвигаются на насъ проблемы нашего общественнаго бытія, въ своемъ безудержномъ теченіи не встрѣчая той направляющей плотины, которая могла бы указать пути къ ихъ разрѣшенію. А только опирающаяся на научное познаніе техника могла бы соорудить такого рода плотину. И словно слѣпая сила рока гонить впередъ неустанно вздымающіяся волны соціальной жизни. И мы не вѣдаемъ той законмѣрности, что направляетъ ихъ движеніе.

Нашей задачей здѣсь и является уразумѣніе этой основной законмѣрности.

Всякое изслѣдованіе въ той или иной частной области точнаго знанія только тогда дѣйствительно цѣнно, когда оно руководствуется общезначимыми нормами познанія и въ свою основу полагаетъ принципъ всеобщей законмѣрности. Не считаясь съ такого рода основоположной законмѣрностью, игнорируя единство объективнаго угла зрѣнія во всѣхъ частныхъ изслѣдованіяхъ, наше познаніе было бы лишено необходимаго обоснованія. И не одна только субъективная необходимость уяснить себѣ значеніе и цѣнность своей работы побуждаетъ изслѣдователя углубиться въ изученіе основныхъ объективныхъ законовъ своего познанія: ибо только указанное выше отношеніе къ общезначимой законмѣрности всякаго истиннаго познанія дѣлаетъ возможнымъ установленіе вполне опредѣленнаго метода, полагаемаго въ основу частнаго изслѣдованія. Разъ изслѣдователь не знаетъ этихъ основ-

ныхъ законовъ, всякая его частная попытка найти истину по данному вопросу неизбежно будетъ носить случайный характеръ: и осуществленіе, и результаты этой попытки будутъ одинаково случайными.

Особое значеніе имѣетъ все это для соціальной науки. Послѣдняя еще не знаетъ правильнаго метода. А лишь обладаніе такимъ методомъ даетъ возможность успѣшно разбираться въ частностяхъ,—хотя бы мы и не давали себѣ яснаго отчета объ основоположной законмѣрности. Въ такомъ именно положеніи находится въ настоящее время базирующее на математикѣ естествознаніе. Въ общественныхъ наукахъ, наоборотъ, мы видимъ постоянное исканіе истиннаго научнаго метода. И въ такомъ именно положеніи находится всякое болѣе или менѣе основательное изслѣдованіе въ области юриспруденціи и политической экономіи.

Однако, уже при самомъ установленіи правильнаго метода для приобрѣтенія спеціальныхъ познаній въ указанныхъ научныхъ областяхъ, приходится имѣть въ виду общезначимую законмѣрную связь всѣхъ отдѣльныхъ возможныхъ здѣсь сферъ познанія. Ибо, только опираясь на эту связь, можно установить то направленіе, какое вообще должно получить изученіе тѣхъ или иныхъ явленій соціальной жизни.

Всякое частное изслѣдованіе, напримѣръ, въ сферѣ юриспруденціи, если оно вообще заявляетъ притязаніе на цѣнность научнаго познанія, должно согласоваться съ единымъ основнымъ воззрѣніемъ на сущность и происхожденіе права.

Отсюда ясно, что всякое расширеніе границъ установленнаго частнаго наблюденія, какъ таковаго, всякая попытка представить конкретно воспринятое, какъ нѣчто законмѣрное, имѣетъ смыслъ и значеніе только при допущеніи общезначимой законмѣрности соціальной жизни. Поскольку кто-либо выставяетъ *de lege lata* или *ferenda* опредѣленное положеніе, утверждая, что оно необходимо, постольку онъ, очевидно, принимаетъ общій законъ, который только и можетъ придать характеръ необходимости данному спеціальному положенію. Всякое познаніе естественныхъ законовъ покоится на основѣ всеобщей законмѣрности въ природѣ. И если, напримѣръ, фізіологъ всюду предполагаетъ законъ причинности въ его формальной общезначимости, то это же требованіе

должно быть проведено соответствующимъ образомъ и въ области научнаго познанія общественной жизни людей.

Кто, при созданіи правовыхъ нормъ и институтовъ и вообще въ развитіи соціальной жизни, стремится установить законность извѣстныхъ явленій, тотъ приписываетъ отдѣльнымъ фактамъ въ общественномъ бытіи людей качество необходимости: онъ долженъ, поэтому, отвѣтить на вопросъ: что онъ собственно подъ этимъ подразумѣваетъ?

Въ какомъ смыслѣ при созданіи новаго права можно говорить о необходимости? Можно ли установить и провести принципъ всеобщей законности соціальной жизни людей такъ, какъ мы это дѣлаемъ въ естествознаніи, гдѣ основой служить законность явленій природы? Или, быть можетъ, здѣсь имѣются нѣкоторыя общезначимыя различія? Насколько обоснованнымъ и правомѣрнымъ является, поэтому, перенесеніе или параллельное примѣненіе естественно-научныхъ понятій и методовъ къ соціальному познанію, въ особенности къ наукѣ о правѣ?

Конечно, не найдется ни одного мыслящаго юриста или политико-эконома, который не останавливался бы передъ подобными вопросами. Вѣдь каждый изъ нихъ, какъ только онъ поставитъ себя цѣлью самостоятельное научное познаніе, неизбежно наталкивается, какъ мы уже говорили о томъ, на вопросъ о правильномъ методѣ, о вѣрныхъ, вносящихъ единство, пріемахъ изслѣдованія. По окончаніи работы у него само собою возникаетъ сомнѣніе: какую цѣнность и какое значеніе имѣетъ результатъ даннаго изслѣдованія въ цѣломъ нашей науки?

Но въ большинствѣ случаевъ до сихъ поръ не приходили къ той радикальной постановкѣ вопроса, когда рѣчь идетъ уже о бѣ особомъ, подлежащемъ критическому наблюденію и уясненію, объектѣ,—какова законность всего нашего познанія въ области соціальной жизни.

Область научнаго изслѣдованія обширна и не легко поддается обзорѣ. Кто пожелалъ бы вполне освоиться съ нею и глубже проникнуть въ нее, тому предстоитъ огромная и изобильная работа. И чѣмъ рѣшительнѣе и добросовѣстнѣе приступаетъ онъ къ ней, тѣмъ легче для него сосредоточиться на томъ или иномъ частномъ пунктѣ, дабы затѣмъ, покончивъ съ нимъ, обратить свое вниманіе на другое. Чѣмъ большую самостоятельность проявляетъ онъ при этомъ, тѣмъ болѣе гигантской предстанетъ передъ нимъ

задача обстоятельной разработки своей специальности. И онъ едва въ состояніи сохранить хотя бы слабое соприкосновеніе съ тѣми, что обречены на работу въ смежныхъ областяхъ. Но есть еще одна проблема. Она не обогащаетъ сокровищницы положительнаго познанія въ частныхъ областяхъ, она не объщаетъ раскрыть передъ нами какого-либо особаго историческаго знанія, но довольствуется установленіемъ формальнаго единства этого знанія, установленіемъ принципиальнаго характера этого единства. Что же это за проблема?

И, все же, необходимъ отвѣтъ на эту проблему: ибо иначе вся наша работа отдается на волю случайностей. Всего чаще бываетъ такъ, что всякій отдѣльный изслѣдователь пытается создать, между прочимъ, для своего, такъ сказать, домашняго обихода, ту или иную основную концепцію. Въ подобныхъ случаяхъ изслѣдователь обыкновенно и не заглядываетъ слишкомъ глубоко. И менѣе всего здѣсь можно было бы говорить о прочномъ фундаментѣ для научнаго зданія. Но теоретическое основаніе, первоначально, быть можетъ, намѣченное лишь въ самыхъ общихъ чертахъ или составленное изъ разныхъ кусковъ, постепенно пріобрѣтаетъ въ его сознаніи устойчивую прочность. И, въ концѣ концовъ, всѣ эти разсужденія о задачахъ и методахъ науки приводятъ къ появленію различныхъ направлений и школъ, между которыми затѣмъ разгорается партійная борьба.

Но это уже не простой академическій споръ. Вопросъ о высшей закономерности, съ точки зрѣнія которой слѣдуетъ познавать социальную жизнь, практически тотчасъ же приводитъ къ тому или иному принципиальному пониманію отношенія индивидуума къ обществу; а отъ этого принципиальнаго взгляда зависитъ пониманіе и разрѣшеніе вопроса о дальнѣйшемъ развитіи, измѣненіи и усовершенствованіи нашихъ социальныхъ порядковъ. Всякая политическая партія, если она не хочетъ осудить себя на эфемерное существованіе, если она не ограничивается исключительно конкретными цѣлями и тѣмъ не прививаетъ себѣ смертоноснаго яда, должна исходить изъ твердыхъ принциповъ, опредѣляющихъ основы, характеръ и задачи всякаго общественнаго строя. Такой смыслъ имѣютъ политическія программы, или, во всякомъ случаѣ, онѣ должны имѣть такой смыслъ,—разъ онѣ претендуютъ на логическую ясность и обоснованность, разъ онѣ должны быть честными и реальными. Если бы вообще не было никакого объективнаго мѣрила социальной жизни, то нельзя

было бы высказывать никаких критически-обоснованных суждений и объ отдѣльных исторически данных общественных формахъ, нельзя было бы ни оправдывать, ни отвергать ихъ.

Поэтому, только научное пониманіе той законмѣрности, которая вообще свойственна общественной жизни людей, даетъ возможность законмѣрно построить человѣческое общежитіе, согласно особымъ историческимъ условіямъ. Равнымъ образомъ, только при этомъ условіи можно было бы привести и объективныя доказательства законности тѣхъ или иныхъ стремленій. Ибо тогда разрѣшеніе конкретныхъ соціально-политическихъ вопросовъ не зависитъ уже отъ смутно сознаваемого, т. е., случайно возникшаго настроенія даннаго субъекта,—тогда оно оцѣнивается и опредѣляется основнымъ закономъ соціальной жизни¹⁾

Но борьба за законмѣрное преобразование общественной жизни налицо: ея нельзя ни скрыть, ни проглядѣть;—она именуется соціальнымъ вопросомъ.

Всѣ эти соображенія приводятъ къ сознанію необходимости соціальной философіи, т. е. научнаго разрѣшенія вопроса: какой основной формальной законмѣрности подчинена соціальная жизнь людей?

Соціальная философія ставитъ слѣдующій вопросъ: что можетъ быть признано для общественнаго бытія людей, какъ необходимое и общезначимое. Ея цѣлью, слѣдовательно, является познаніе тѣхъ понятій и принциповъ, которые имѣютъ одинаковое значеніе для всякой соціальной жизни. Въ своемъ ученіи она должна совершенно отрѣшиться отъ всякаго особаго содержанія того или иного исторически даннаго соціальнаго бытія. Она стремится систематически познать ту законмѣрность, которая вообще свойственна общественной жизни людей.

2.

Всѣ доселѣ существовавшія системы философіи права имѣютъ одну общую черту: онѣ исходятъ изъ понятія права, какъ конечнаго единства всѣхъ тѣхъ воззрѣній, какія могутъ возникнуть въ этой области. Законы Платона и „φύσει δίκαιον“ Аристотеля, *ius naturale sive divinum* католической церкви, а также *ius naturae a gentium* Гроція, *contrat social*, „общее убѣжденіе“ всѣхъ членовъ правового общенія, „всеобщая воля“,—всюду здѣсь, не исключая различныхъ видоизмѣненій

этихъ ученій и ихъ послѣдователей, право служить центральнымъ пунктомъ и высшимъ объектомъ изученія.

Всѣ эти ученія сравниваютъ право со смежными понятіями и отграничиваютъ его отъ нихъ; они стараются выяснитъ вліяніе на правовой строй другихъ факторовъ человѣческой жизни и говорятъ о „взаимодѣйствіи“, въ какомъ находятся право и общественное хозяйство. Но всегда при этомъ предполагается, что дѣло идетъ здѣсь о самостоятельномъ, конечномъ объектѣ научнаго изслѣдованія.

Не можетъ быть никакихъ сомнѣній, что на основѣ этого единого высшаго понятія права можетъ быть построена особая научная дисциплина. И тутъ уже, слѣдовательно, рѣчь будетъ идти не о томъ, чтобы познать то или иное смежное юридическое понятіе, не о томъ, чтобы дать представленіе объ извѣстномъ историческомъ правопорядкѣ: тутъ передъ нами будетъ уже цѣлая система формальныхъ условій всякаго юридическаго познанія. Но такая общая наука о правѣ не можетъ разрѣшить полностью той задачи, какую мы выше намѣтили для соціальной философіи.

√ Ибо противоположностью природы, какъ совокупности явленій, данныхъ намъ въ пространствѣ и во времени, является не понятіе права, а соціальная жизнь людей.

Такимъ образомъ, научное изученіе соціальной жизни требуетъ особаго теоретическаго основоположенія. И вопросъ объ общезначимыхъ построеніяхъ правовой дисциплины возникаетъ лишь въ рамкахъ указаннаго выше соціально-философскаго изслѣдованія. Съ другой стороны, и ученіе о методѣ въ правѣ, имѣющее своей задачей показать возможность и способъ примѣненія указанныхъ выше общезначимыхъ положеній къ особому познанію права, точно также должно было бы входить въ это общее ученіе о правѣ²⁾. Такимъ образомъ, обѣ дисциплины, соціальная философія и общая наука о правѣ, отчасти переплетаются другъ съ другомъ, покоятся другъ на другѣ и оказываютъ другъ другу взаимныя услуги, отчасти же каждая изъ нихъ имѣетъ свою особую задачу.

Соціальной философіи, въ этомъ случаѣ, фактически принадлежитъ главенствующая роль. Ибо, если общее ученіе о правѣ во главѣ своей системы полагаетъ понятіе права, то, въ то же время, оно лишено возможности вновь опредѣлить это понятіе изъ той общей науки о правѣ, которая выведена изъ него же. На-

оборотъ, тутъ мы стоимъ передъ такой альтернативой: или мы должны принять понятіе права, выведенное на основаніи извѣстнаго описательнаго изученія, и, уже исходя изъ этой чисто субъективной основы, мы можемъ пытаться построить дальнѣйшее общее ученіе,—или же мы должны выйти за предѣлы названнаго понятія, мы должны отыскивать его въ цѣломъ нашего социальнаго опыта и опредѣлить его здѣсь на основаніи необходимыхъ признаковъ. Третьяго ничего не можетъ быть. Индуктивнымъ путемъ, на основаніи историческихъ юридическихъ опытовъ, нельзя получить самого понятія права. И думать такъ—это значило бы впадать въ крупную ошибку. Показать это не трудно.

Когда теорія права останавливаетъ свое вниманіе на тѣхъ группахъ людей и на тѣхъ процессахъ, которымъ право исторически обязано своимъ возникновеніемъ, когда она пытается изъ сопоставленія отдѣльныхъ случаевъ образованія правовыхъ нормъ вывести законъ развитія, который имѣлъ бы относительную всеобщность,—то вѣдь тутъ уже предполагается даннымъ понятіе права. И такъ какъ несомнѣнно, что въ исторіи новое право возникало безконечное число разъ, независимо отъ того, соблюдались ли соответствующія правовыя нормы, то рождается вопросъ: по какому признаку вообще можно распознать, что извѣстное общественное велѣніе есть право? Чѣмъ отличается велѣніе, представляющее собой актъ произвола и надолго сохраняющее такой характеръ, отъ правонарушающаго предписанія, становящагося правомъ?—Отвѣта на такіе вопросы нельзя ожидать отъ индуктивнаго изслѣдованія разнообразныхъ процессовъ, создававшихъ право. Ибо понятіе права заранее уже предполагается при изученіи всѣхъ этихъ процессовъ. Индукція имѣетъ дѣло съ вопросомъ объ одинаковомъ содержаніи тѣхъ событій, которыя одинаковымъ образомъ породили правовыя установленія. Но такъ какъ самое происхожденіе права предполагается уже даннымъ для каждаго изъ индуктивно изученныхъ фактическихъ случаевъ, когда мы сопоставляемъ ихъ въ цѣляхъ сравнительнаго изслѣдованія,—то и такимъ путемъ мы не можемъ получить понятія права.

Съ другой стороны, понятіе права всегда совершенно справедливо понималось и трактовалось, какъ такое понятіе, которое имѣетъ общезначительное значеніе для познанія социальныхъ явленій. Вѣдь иначе нельзя было бы даже утверждать, что сохраненіе отдѣльныхъ правовыхъ укладовъ постоянно мѣняется

съ ходомъ исторіи,— если въ качествѣ общей формальной основы здѣсь не предполагается понятіе права. Слѣдовательно, уразумѣніе сущности и значенія общаго понятія права должно быть получено инымъ путемъ, а не путемъ сопоставленія различныхъ частныхъ случаевъ примѣненія этого понятія: вѣдь о такомъ примѣненіи и рѣчи не могло бы быть, если бы понятіе права не было уже дано намъ въ качествѣ логическаго *prius*'а. Если ясно представлять себѣ положеніе дѣла, то окажется, что всякій частный правовой опытъ находится въ зависимости отъ общезначимаго понятія права, а не наоборотъ. Понятіе права совершенно независимо отъ того или иного особаго примѣненія его въ рамкахъ конкретнаго опыта. Оно не можетъ быть получено путемъ абстракціи отъ отдѣльныхъ случаевъ правового опыта, ибо каждый изъ этихъ случаевъ вообще становится возможнымъ только благодаря ему. Въ каждомъ частномъ случаѣ возникаетъ тотъ же вопросъ: на какомъ основаніи относимъ мы данный случай къ области права?—И удовлетворительный отвѣтъ можетъ быть данъ лишь въ томъ случаѣ, если мы сошлемся на общезначимое понятіе права, полученное нами путемъ особаго метода.

Въ чемъ заключается этотъ необходимый методъ соціально-философскаго изслѣдованія,—объ этомъ подробнѣе мы скажемъ ниже. Но уже теперь мы считаемъ необходимымъ замѣтить, что если понятіе права не можетъ быть установлено на основаніи наблюденія надъ отдѣльными случаями права, то этимъ мы отнюдь не хотимъ сказать, что есть какая-то особая сказочная страна, лежащая вообще за предѣлами опыта, откуда мы и могли бы почерпнуть это понятіе. Наоборотъ, мы должны обратиться къ факту соціальной жизни людей,—и этотъ опытъ общественнаго бытія необходимо подвергнуть анализу со стороны его общезначимыхъ условій. И лишь тогда можно было бы выяснитъ необходимость построенія основныхъ соціальныхъ понятій, а въ томъ числѣ и понятія права. Такимъ образомъ, у общей науки права имѣется своя собственная, указанная нами выше, задача; но она не въ состояніи дать исчерпывающаго опредѣленія своему высшему понятію, понятію права. Она должна получить это понятіе изъ рукъ соціальной философіи. Она не можетъ замѣнить этой послѣдней; напротивъ, соціальная философія есть самостоятельно поставленная задача, и послѣдовательный ходъ мыслей неизбѣжно приводитъ общую теорію права къ соціально-философскому изслѣдованію.